

ЯНТАРНЫЙ ПРОЛОГ

Ветер с ровной силой гонит тёмно-синюю воду из неглубокого Балтийского моря по Калининградскому морскому каналу в Вислинский залив, и эту картину я наблюдаю из своего окна. В Балтийске мы жили в служебных квартирах, арендовали, получали свою на улицах Солдатской, Пирогова, Ушакова, Литке, на Гвардейском бульваре, но самое романтическое жильё было в трёхэтажном доме довоенной постройки на Морском бульваре, 1, на первом этаже, № 14. Как сейчас, я вижу из окна, ежедневно наблюдая движение судов и кораблей по Калининградскому морскому каналу, как мелкие белые барашки волн проносятся в потоке воды со скоростью, с какой летают чайки. Но птицы делают разворот и, пытаясь лететь навстречу ветру, зависают в воздухе, усиленно машут крыльями, то поднимаясь вверх, то опускаясь, высматривая зоркими глазами рыбёшку в стремительном потоке воды, преодолевают ветер. Через пару дней непостоянный ветер изменит своё направление, и вода по каналу побежит из залива в море. «Не может поток бежать вспять!» А здесь это возможно. Здесь, в Янтарном крае. Такое же явление происходит с рекой Иордан в день именно православного Крещения. Река начинает бурлить и поворачиваться вспять. Это вселенская тайна – почему.

Если бы я приехала в Калининград как путешественница, я, наверное, вряд ли захотела бы здесь жить. Но выбора у меня не было, земля, а точнее, вода Балтийского моря и его берег притянули и не отпускают. Зачем, почему? Кто-то должен быть женой моряка, ждать его на берегу. Мои чувства не связаны с пессимизмом, который является отсутствием задач и целей или дешёвыми идеалами, а с пониманием, или хотя бы его задатками, волшебной тайны судьбы, в которой ты не наблюдатель, а участник. Живя здесь, мыслями я пребываю в родном краю, в родной Беларуси, где так жадно читала я классиков, русских и белорусских, всматривалась в окружающих меня людей, распознавая наши национальные типы, интересуясь историей славянских стран и проникаясь их величием, внутренним убеждением – служить своему народу. И сейчас, выходя на берег Балтийского моря, я помню, что всё течёт и изменяется, жизнь многовариантна, потоки воды могут двинуться вспять, и в любой истории есть Божественный Промысел, а родная Беларусь – совсем недалеко и в мыслях, и в душе.

В моей памяти деревня, в которой родились родители. Если идти из деревни через луг к Друти мимо кузницы, то можно выйти к озеру, которое в деревне называли Бязоднае. Это значит – бездонное, не имеющее дна. Об этом озере мама, Щепова Мария Ивановна, рассказывала, что всякий, кто пытался достичь дна этого озера, тонул в нём. Но удивительнее всего то, что если на рассвете, когда на земле очень тихо, подойти к озеру, то можно услышать звон колоколов церк-

вей того города, который находится на дне. Тогда ещё я не знала, что существует легенда о Граде Китеже, но этот город на дне озера долго не давал покоя. Рано утром, проснувшись, я всё время прислушивалась, не звучат ли колокола того города. Теперь я понимаю: то, что тогда рассказала мне в раннем детстве мама, раскрывало бездонность не только озера, но и неба, бесконечность мира и времени.

Корни и кроны

Беларусь мы называем Батьковщиной, а по-русски – Отечеством. И, думая о Родине, я вспоминаю отца, так любившего стихи Александра Сергеевича, а прозу – Льва Николаевича, но также и Янку Купалу, и Ивана Шамякина, и Владимира Короткевича. Мой отец – Щепов Владимир Алексеевич (1925–2009), родился в деревне Хомичи Быховского района Могилёвской области. Он говорил, что род Щеповых всегда был связан с лесом и обработкой дерева, но вот его дед служил на флоте Российской империи, как и многие другие выходцы из Беларуси, ведь практически все жители деревни росли на берегу стремительной, с омутами реки Друть и отлично плавали, сплавливали лес, легко управлялись с плотами и вёсельной лодкой, были отменными рыбаками. Мой прадед, Щепов Архип (в некоторых документах – Артём) Филиппович (1840–1932), вернулся после службы на флоте в родную деревню, женился, родилось 12 детей. Архип (Артём) Филиппович будто бы основал деревню Дедово, находящуюся между Хомичами и Тощицей. Дед Архип, по воспоминаниям отца, несмотря на то что был уже слабеньким, любил топить баню или делал какие-то другие дела во дворе, просил внука:

– Володька, давай почитай мне псалмы вслух.

Внук сел на деревянную колоду, читал, но и слушал тоже эпизодические воспоминания... Однажды рассказал дед внуку, как ходил в составе русской экспедиции к берегам Соединённых Штатов Америки. Мальчику Володе было интересно, но он мало понял тогда, уже значительно позже, после войны, будучи взрослым, он прочёл более подробно о том, как в 1863 году отправились русские корабли к охваченной гражданской войной Америке, войной нерабовладельческого Севера и рабовладельческого Юга. Первая эскадра России в составе шести кораблей отправилась под флагом контр-адмирала С. Лесовского, численность экипажа которого составила три тысячи человек. Вторая эскадра, также из шести кораблей, направилась в Сан-Франциско под командованием контр-адмирала А. Попова численностью 1200 человек. Россия безоговорочно поддержала Север. Американцы с большой симпатией принимали русских моряков. Итогом войны стало запрещение рабства, закреплённое в Конституции США.

А я с удивлением начала читать об этой забытой истории, когда в 2013 году была выпущена медаль к 150-летию морского похода с изображением портретов Александра Второго и Авраама Линкольна. Ведь мой прадед был в походе, в котором участвовал композитор Николай Андреевич Римский-Корсаков, более того, там был отец моего любимого поэта Николая Гумилёва – Степан Яковлевич Гумилёв, который ходил в составе американской экспедиции в должности доктора на фрегате «Пересвет».

Неизвестно, спас ли жизнь кому-то в Америке мой прадед... Но почему я об этом думаю? Меня впечатлил рассказ моего отца о том, как американец в конце апреля 1945 года спас ему жизнь. Папа не помнил, как звали этого водителя «студебеккера», который копался в капоте в поисках неисправности, когда два узника концлагеря, измождённые, промёрзшие до костей, на грани потери сознания вышли на дорогу, убегая от горящего концлагеря, подвергнутого бомбардировке американской авиацией. Отец мой помнил лишь белоснежную улыбку чернокожего человека, протянувшего ему тёплую куртку и горячий кофе из термоса.

– Мы так намёрзлись за ночь в каком-то парке, что зуб на зуб не попадал. Не так мучил голод, как холод. Водитель машины дал мне куртку, которая мне очень хорошо подошла, несмотря на мой высокий рост, и я был ей несказанно рад. Рад – это не то даже слово, это было счастьем наконец согреться. Не раз я добрым словом потом вспоминал этого американского солдата с благодарностью за спасение.

Как мир тесен и как причудливо переплетаются факты истории и судьбы людей. Уже в 21-м веке, когда все уже почти поголовно стали искать свои корни в глубинах веков, задала и я поиско-

вику в Интернете фамилию Щепов. Удалось найти её среди потомков Ярослава Мудрого, а затем Владимира Мономаха, князей Ростовских-Щеповых, а потом следы пропадают...

– Куда же потом они делись – эти князья Щеповы, которые были в 14-м веке, почему исчезли в других веках? – спрашивала я генеалогов.

– А все они погибли на Куликовом поле, – отвечали мне историки. Так вот оно что... Вот почему так волновалось сердце, когда в 2015 году по пути из Москвы в Воронеж со своими коллегами остановились мы уже на закате дня у храма Преподобного Сергия Радонежского на Куликовом поле. День стремительно завершался, и мы пошли к стеле, установленной два века назад в честь победы Дмитрия Донского над войском Мамай, – к символу нашей славянской воинской доблести, чтобы остановиться в трепетном молчании, в благодарной памяти о тех, кто отдал жизни за святую Русь. На многоступенчатой круглой колонне читали надпись золотом в чугунном проёме: «Победителю татар Великому князю Дмитрию Иоанновичу признательное потомство лета от Рождества Христова 1848».

Мы вошли в храм Сергия Радонежского, окна которого сияли золотым светом среди белеющих стен, и уже в тёмно-синем небе с трудом различались ярко-зелёные купола и кровля церкви. При входе в храм стояли манекены в красных одеждах, покрытых тонкой кольчугой русских воинов и тёмно-зелёные костюмы с кожаными тонкими ремешками воинов-татар. В храме молились немногочисленные прихожанки, и так тепло было в нём от горящих свечей и негромкого голоса священника. И как тут не вспомнить художника Юрия Ракшу, его картину «Проводы ополчения» – проводы на Куликовскую битву. В правой части триптиха потрясают фигуры женщин с детьми, оставшихся дома. В центре красавица-славянка, мать, ждущая ребёнка, который, возможно, никогда не увидит отца. Князья Щеповы все полегли на Куликовом поле. Остались дети без отцов, и фамилию Щеповых мы находим в разных веках в Пскове, в Сибири, потом на Брянщине, а потом – в Беларуси. Что интересно, что прадеда-моряка судьба определила на фрегат «Пересвет», вооружённый 43 орудиями. К одной из этих пушек и был приставлен прадед. А внук его, то есть мой отец, в армии служил в артиллерии, а теперь я живу в Калининграде на улице Артиллерийской.

Но никогда я не забуду этого письма историка-генеалoga: «Все князья Щеповы полегли на Куликовском поле», в числе тысяч русских людей. Вспомнился Александр Блок, его цикл «На поле Куликовом», вот почему он ушёл от торжественных нот. Он понимал трагедийность события, несмотря на победный итог битвы. Какой же ценою? По подсчётам московского боярина Михаила Александровича, «погибло у нас дружины всей 253 тысячи, а осталось у нас дружины 50 (40) тысяч». Хоронили убитых семь дней. «Плачь, сердце, плачь!» – повторяет Блок. Провидчески он чувствовал неизбежность и в будущем возвращения России к навязанной ей ситуации Куликовской битвы. Битва – это отдание жизни за победу в ней.

И вот 20-й век. Узнала о такой формулировке, как «Сведения о безвозвратных потерях». На обелиске в память об участниках Великой Отечественной войны в деревне Хомичи 8 фамилий Щеповых, павших на фронте. Удалось установить у некоторых места их захоронений: Бранденбург, Подляское воеводство, а у большинства – не указано мест захоронения, и везде – «Причина смерти»: убит, убит, убит. А сколько погибло в оккупации... Мой отец выжил. Под диктовку его записывала я членов его семьи, его братьев и сестёр:

«Брат Ефим Щепов был женат на Маруте. Дети их: один мальчик погиб во время войны. Марута его держала на руках, когда переходила линию фронта, и пуля попала ему в голову. Маленькая дочь Зина плакала, немецкая пуля попала ей в щёку и вылетела через открытый рот. Марута в юбке обнаружила две дырки от пуль, которые её не задели»...

И вот 21-й век. Ковидные времена. На экранах телевизора кадры протестных улиц США и поцелуев белыми людьми ботинок чернокожих. Мне вспоминается водитель «студебеккера», спасший отца, и думается, что никогда бы он не позволил никому целовать свои ботинки.